

О ВЯЧЕСЛАВЕ ОВЧИННИКОВЕ всегда много говорили. Еще с той поры, как появился он в Москве, в музыкальном училище при Консерватории. И потом в консерваторском классе у Семёна Богатырева и в аспирантуре у Тихона Хренникова.

...Консерватория гудела:

— Неужто Овчина может с трех прослушиваний записать по памяти «Испанскую рапсодию» Равеля? Как? Слышит всю фактуру? И у кого — у импрессионистов!

Не верилось. Его проверяли. Да, действительно, он воспроизводил без ошибок наитруднейшую партитуру «Весны священной» Стравинского.

И все-таки не верилось. Откуда же у него такие феноменальные способности? Родился в обыкновенной семье, где, хотя и любили музыку, но никто ею не занимался профессионально и всерьез. Лет в шесть он впервые увидел рояль — в салоне того парохода, что вез семью из Николаевска-на-Амуре в Хабаровск. Тогда же услышал и первое живое исполнение — кто-то сыграл «Собачий вальс». А в мальчишеской голове роились неведомо откуда взявшиеся мелодии — сколько бился он, не знаяший еще нот, чтобы не дать им исчезнуть! Он мог часами слушать песни, что распевала мать, донская казачка. И музыку из репродуктора. Как-то однажды, придя домой и взгрозившись в кухне на табурет, как был — в шубе и валенках, — свалился от неожиданности на пол: так поразил его услышанный впервые Бетховен...

Воронеж, Дон. Первый учитель музыки — Николай Васильевич Потапов. Первые концерты на публике. И первые сочинения (кстати, свою «Мазурку», сочиненную в девятилетнем возрасте, он не забыл в фильме «Война и мир»).

В консерватории он писал много. Жадно. Поражая всех удивительной работоспособностью. Испробовав себя во всех жанрах.

Он никогда не отдавался делу наполовину. Особенная вьедливость, вгрызание, что ли, в предмет отличали его всегда.

Он писал вальс, первый вальс для Наташи, и, словно влюбленный в героиню и в актрису, ходил за Савельевой, писал ей стихи, дарил цветы. И сочинял, сочинял музыку.

Возможно, кому-то покажется это смешным, но вспомним, что приглашение (впрочем, то было не приглашением, а конкурсом) написать музыку к фильму «Война и мир» композитор получил, когда ему было двадцать пять!

История, философия, литература, история искусства, живопись — он изучал их. Но главное, конечно, — музыку. Любими средствами, лю-

быми способами он ухитрялся усылать астрономическое количество произведений. Часто меняя квартиры, снимая «углы», а то и просто койку где-то в староарбатских переулках, он обростал своим собственным скабром — массой книг, колоссальными горами пластинок.

Но спросите его: «Что ты любишь сам?». Назовет Баха, Чайковского, Бетховена, Дебюсси. И, словно смутившись узким кругом избранных, скажет: «А вообще всех хороших композиторов»...

Случалось всякое в жизни: под-

дружество. Вспомним: Овчинников и Андрей Тарковский — «Каток и скрипка», «Иваново детство», «Андрей Рублев», Овчинников и Сергей Бондарчук — «Война и мир», Овчинников и А. Кончаловский — «Мальчик и голубь», «Дворянское гнездо»...

Да, музыка его мелодична, и основную мелодию вроде легко запомнить. Но она несет в себе эмоциональный заряд, проникает в каждое сердце. Это не просто музыкальные характеристики героям, что само по себе тоже немало-

локольную симфонию. А в десяти шагах от ликующей толпы рыдает на земле никому не нужной мальчишка, отливший этот колокол, — не по отцовским секретам («не успел перед смертью сказать»), а по наитию и просто по талантливости, переходящей от отца к сыну, от предков к потомкам. И все это есть в музыке — и боль, и скорбь за судьбу, и одновременно гордость за талант простого человека на Руси.

«Дворянское гнездо». Едва ль не самое запоминающееся и самое сильное в этом фильме — удивительный сплав музыки и изображения, будто один человек и снимал картину, и писал музыку к ней. Услышим мы балалаику. Несколько раз, но коротко. Слово кто-то ущипнет и отпустит струну, ущипнет и отпустит. Сожмет и отпустит сердце... И это уже вы идете по аллее старого сада. И, запрокинув голову, видите, как шурится солнце, пробивая зеленую толщу крон. Это вам хоррошо. Это вам радостно. И грустно одновременно. И это в вашем сердце накачивает волны музыка — овчинниковская музыка!

Секрет успеха музыки не в том, что там пропели романсы в русском стиле, а там побренчали балалайки. Можно ввести в произведение народную тему (сейчас этим, кстати говоря, широко пользуются), можно искусно использовать частушки и песни, но от одного этого еще не станет крепче связь с национальной почвой.

Музыка Овчинникова — не стилизация под русскую народную, а русская по духу, по складу авторского мышления.

Кроме музыки к фильмам, он написал три симфонии, баллады, фортепианные сюиты, увертюры. И сколько еще напишет!

Спрашиваю его: как чувствует он себя в кинематографе?

— Вопреки грустным ожиданиям и некоторому предубеждению (все-таки, что и говорить, музыка в фильме нечто третьестепенное...), работать интересно. Интересно потому, что съемочная площадка, весь суматошный «киношный» мир несут в себе ритмы нашей жизни, они не позволяют тебе «дремать» или замешкаться. Интересно потому, что нигде еще не встретишь разом столько характеров и индивидуальностей... Мне здорово повезло: работать с таким крупнейшим мастером и изумительным человеком, как Сергей Бондарчук!

— Считаете ли вы теперь эту свою работу основной и главной?

— Разумеется, нет. Кинематограф для меня — лишь возможность проникнуть в иной пласт, попробовать себя в «нетрадиционных жанрах».

А. КУРЖИЯМСКАЯ.

СЕКРЕТ УСПЕХА

ОЧЕРК

считывать, на что жить, сколько раз до стипендии осталось обедать. Случалось и вовсе — сегодня негде переночевать. А уж при его-то способностях он мог наладить свой быт... Но предпочитал безденежье частным урокам и случайным заказам, считая, что не имеет права размениваться.

Так и в дружбе — никаких компромиссов. В его голове не укладывалось, например, как человек, считающий себя другом, может отказать в помощи. Такого он не простит, не забудет. Как не забудет и любое проявление человеческого тепла. Он может чуть ли не два десятилетия спустя часто вспоминать одного старого человека, который когда-то, на заре его композиторской юности, подбодрил добрым словом.

Музыковед сказал бы, что Овчинников — великолепный лирик, что он наделен исключительным даром инструментовщика, тонким чувством современного оркестра, красок, — всем, чем издавна славилась русская композиторская школа. Все это действительно есть в той музыке, что создана им за последние годы в кино.

К музыке в фильме сложилось несколько своеобразное отношение, как к чему-то такому, что непременно можно промурлыкать себе под нос. Музыка же Овчинникова совсем иного плана, и его участие в кинематографе — событие, если хотите. В этом году за заслуги в развитии советского кинематографа в числе большой группы деятелей кино орден «Знак Почета» был вручен композитору В. Овчинникову.

Не случайно, наверное, многие режиссеры, однажды проработав с ним, продолжали и впредь это со-

важно. Всемирно известная фирма «Коламбия» выпустила пластинку с музыкальной фонограммой «Войны и мира». И, слушая музыку, почти осязаемую, видимо, дорисовываешь кадр за кадром весь фильм.

...Мечется, не находя выхода, Наташа, вся в думах о князе Андрее, и вторят ей тоскливо-волнующие звуки, перемежающиеся с завыванием ветра за окном...

...Уединившись в своем имении, вдали от блестящего света, доживает свой век старый князь Болконский. Думы о судьбах России — как разбухшие шмели (в оркестре тем временем и в самом деле «жужжат» виолончели), роятся в голове, не давая спокойно спать, есть, жить.

...После разрыва с князем Андреем Наташа встречается с Пьером. Ей так важно его признание, ей так нужно сейчас прощение и очищение перед большой, осознанной теперь ею любовью к Болконскому. И это душевное смятение и ожидание, этот трепет души и вот-вот готовые сорваться слезы, — все, все, казалось, вообрали в себя всплески арфа, вкрапленные в очень лиричную, почти «воздушную» музыкальную ткань.

А рядом — война, ворвавшаяся на русскую землю. И Россия — в едином напряжении готовая всем народом навалиться на врага. И все нарастающий гул в оркестре, полурывы звуков, колокольный, словно набат, звон: началось!..

Пробуждает в зрителе сопричастность к происходящему и музыка Овчинникова к фильму «Андрей Рублев»... Поднимают отлитый колокол. Он еще нем. И вдруг после скрипа натянутых канатов, в напряженной тишине — первые глухие «бум-бум-бум», слагающиеся в ко-

13 НОЯ 1

«СЕКРЕТЫ МУЗЫКИ»
г. МОСКВА